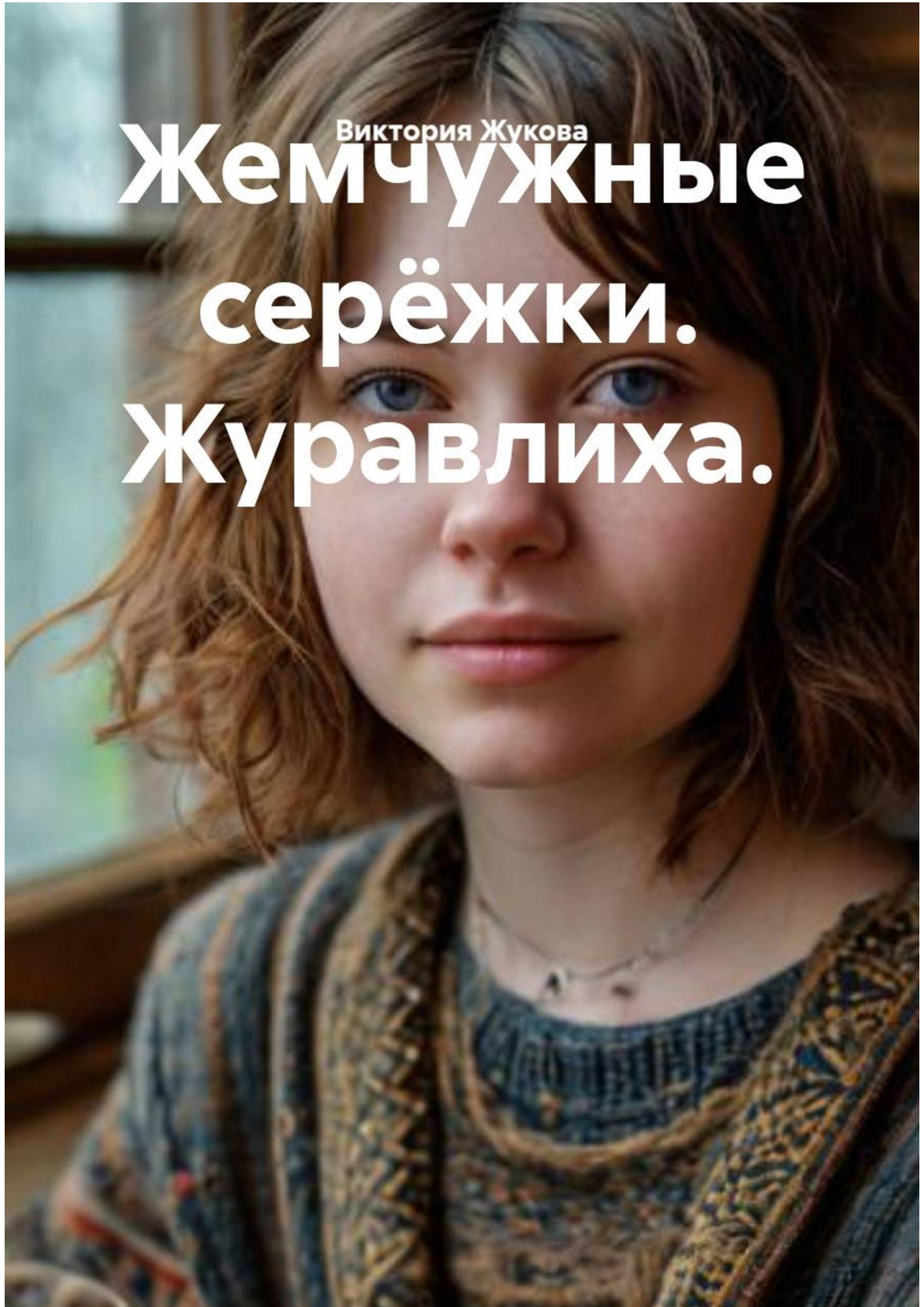

Виктория Жукова

Жемчужные серёжки. Журавлиха.

Виктория Жукова

Жемчужные серёжки. Журавлиха.

«Автор»

2026

Жукова В.

Жемчужные серёжки. Журавлиха. / В. Жукова — «Автор», 2026

Марина историк из Санкт-Петербурга. Она составляет родословную и сталкивается с проблемой - отсутствия метрических книг. В поисках информации девушка едет в родовое село, в Новгородскую глубинку. В старом доме она находит метрическую запись о рождении своей прабабушки и имя крёстного — Алексея Прохорова. А ещё — известие о его гибели в 1915 году. Летней ночью, лёжа на тёплой печи, Марина проваливается в сон — и просыпается в 1914 году. Там она встречает Алексея живого, молодого, с серыми глазами и застенчивой улыбкой. Того, кому суждено погибнуть через год. Между ними вспыхивает чувство — невозможное, потому что оно разделено веками. Но можно ли остановить любовь, если она сильнее времени? И что останется, когда сон кончится? Только жемчужные серёжки, которые он подарит ей, — и память, которая не умирает.

© Жукова В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Глубинка.	6
Глава 2. Метрическая книга.	10
Глава 3. Краюха хлеба.	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Виктория Жукова

Жемчужные серёжки. Журавлиха.

Пролог

Стопка исписанных бумаг снова не привела Марину к желаемому результату. Девушка подняла голову от компьютера: часы, дни, недели мониторинга Новгородского архива не дали того, на что она рассчитывала.

Срок сдачи научной работы приближался, а материала всё ещё было катастрофически мало.

Когда Марина только начала собирать информацию, она надеялась быстро найти множество фамилий, исторических личностей, фотографий и справок. Но она столкнулась с суровой реальностью: метрические книги рассыпались в прах, ревизские сказки обрывались на середине девятнадцатого века, а советские ЗАГСы словно проглотили целые поколения.

Марина опустила глаза на единственную зацепку — распечатку из областного архива: «Журавлёва Мария Ивановна, 1914 года рождения, место рождения — деревня Журавлиха Новгородской губернии». И всё. Ни отца, ни матери, ни дальнейших сведений. Словно её прабабка родилась из ниоткуда.

— Мам, — позвала Марина, выходя на кухню. — Я, кажется, решила.

Женщина, стоявшая у плиты, обернулась, вытирая руки о фартук.

— Что решила, дочка?

— Съездить туда. В Журавлиху. Время поджимает, работа в интернете ничего не дала. Нужно своими глазами увидеть. Может, в сельсовете какие-то бумаги остались, может, люди помнят...

Мать вздохнула, но спорить не стала. Она давно знала: если Марина что-то вбила себе в голову, переубедить невозможно.

— И когда едешь?

— Завтра. Билеты уже взяла.

Глава 1. Глубинка.

Московский вокзал. Утро. Санкт-Петербург. Вторая платформа третьего пути. Поезд Санкт-Петербург — Великий Новгород. У входа в вагон стоят двое — две женщины с одинаково грустными глазами, им предстоит долгая разлука.

— Дочь, ты уверена, что это необходимо? — спрашивает женщина в сером клетчатом пальто. Её наспех накинута косынка сбилась, обнажив копну поседевших русых волос.

— Мам, мы обсуждали уже не раз. Это необходимая поездка, она нужна мне для учёбы, ты же знаешь. И потом, я предлагала тебе поехать со мной, — улыбнувшись, ответила девушка в голубом пальто. Её каре было аккуратно уложено, но питерский ветер то и дело играл с прядками тёмно-русых волос.

Девушка держала в руке большой оранжевый чемодан, под мышкой — самое ценное: папка с копиями архивных документов, начатая научная работа, ноутбук.

— Ты знаешь, я не могу с тобой поехать прямо сейчас. Быть может, позже, не знаю, но работа, опять кавардак, впрочем, как и всегда, да и сейчас нет времени говорить об этом, — торопливо говорила женщина. — Марина, я прошу, не пропадай, пиши мне, звони.

— Конечно, мама, не переживай.

Девушка обняла свою мать, прижав к себе, добавила:

— Я люблю тебя, мама.

— Я тоже тебя люблю, моя хорошая.

Девушка протянула проводнице паспорт.

— Семнадцатое место справа, — чеканным голосом произнесла проводница.

— Спасибо, — улыбнулась Марина, поднимаясь по ступенькам.

В дверях девушка оглянулась на мать, заметив, что у неё в глазах блестят слёзы.

— Береги себя, доченька, — сказала женщина, перекрестив её.

— Буду, мама, — ответила Марина, помахав рукой. Поезд тронулся.

Уже в качающемся вагоне девушка дошла до своего места. Семнадцатое. У окна. Соседнее восемнадцатое пусто. Прекрасно. Время до вокзала в Великом Новгороде займёт около трёх часов. Марина повернула голову к окну, начала рассматривать удаляющиеся, мелькающие дома, улицы, проспекты, пока сон не сморил её. Проснувшись, девушка заметила, что на соседнем месте появился мужчина лет сорока, в больших белых наушниках, смотревший фильм на планшете. Марина достала книгу — ехать оставалось два с небольшим часа.

Пейзажи сменяли друг друга: от непроглядного леса до полей и бескрайних озёр, от маленьких деревушек до болот.

Диктор в громкоговорителе объявил:

— Великий Новгород. Конечная.

Марина вышла на платформу, вдохнула воздух, пропитанный запахом машинного масла, достала телефон, чтобы свериться с маршрутом. От главного вокзала через сорок минут отходит электричка в районный центр Ясенево, затем оттуда автобус до деревни.

Сорок минут. Марина решает не терять времени: выпить кофе и перекусить. Найдя ближайшую приличную привокзальную кофейню, она взяла с собой капучино на кокосовом молоке и круассан с ветчиной и отправилась искать поезд.

Найдя нужную электричку, вошла в неё, заняв свободное место. Ехать больше часа. Хорошо. Есть время подумать. Марина расстегнула папку и в который раз перебрала драгоценные листки. Метрические книги Новгородского архива — пусто, словно корова языком слизнула. Ревизские сказки — последняя аж 1856 года, фамилии есть, но как их к ней привязать? ЗАГСы советского времени вообще молчат, будто специально информацию засекретили. Только одна зацепка и осталась — запись о рождении прабабки Марии Ивановны Журавлёвой

в 1914 году. И всё. Деревня Журавлиха. Больше ничего. Ни имени её матери, ни отца, ни того, откуда они взялись. Словно прабабка с неба свалилась. Марина невольно вспомнила про свою бабушку — Елену Петровну, женщину, переехавшую в Ленинградскую область по распределению вслед за мужем. Девушка вспомнила её тёплые руки, душистый хлеб, запах сушёной травы и самый вкусный липовый чай. Ещё Марина вспомнила, как бабушка говорила, говорила сказками, говорила песнями, рассказывала о своей жизни, о жизни своей матери, своей бабки. Как же винила себя Марина сейчас, что раньше не слушала её! Может быть, именно поэтому ей так важно приехать в родную деревню бабушки, прикоснуться к местам её молодости, к истокам рода.

Марина смотрит в окно электрички:

— Эх, прозевала весь Новгород, уже выезжаем из города. Значит, на обратном пути заеду обязательно.

Мелькают дома: сначала крупные населённые пункты, города, посёлки, затем дома становятся ниже, а расстояния между ними больше. Чем дальше, тем меньше полей, тем больше лесов, рек и болот.

Электричка остановилась неожиданно для Марины. За окном поле. Ни домов. Ни станции.

— Конечная, — объявила проводница.

Марина вышла на улицу. Маленький участок земли, застеленный плиткой, — платформа, металлические ступени ведут на просёлочную дорогу. Вдали несколько двухэтажных барakov. У платформы — предприимчивые водители:

— Такси, такси, недорого!

— Подскажите, где автостанция? — спрашивает Марина у одного из «таксистов».

— Могу подвести, — отвечает мужчина. — Пятьсот рублей, домчу с ветерком.

— Я довезу за четырёста пятьдесят, — вмешивается другой.

— Четырёста рублей, моя последняя цена, дешевле только пешком, повезу себе в убыток, — перебил первый.

— Девушка, — раздался голос за спиной Марины. — Не слушайте вы этих граждан. Пытаются заработать как могут, видят, вы не местная. Давайте я вас провожу, автостанция рядом, нам с вами в одну сторону.

Марина оборачивается и видит перед собой мужчину лет пятидесяти, одетого в джинсы и клетчатую рубашку.

— Да, было бы неплохо, — говорит ему Марина.

— Давайте чемодан, по таким дорогам его тяжело везти.

— Спасибо.

Автостанция оказывается в конце улицы с платформой, на противоположной стороне.

На автостанции один автобус с табличкой: «Журавлиха, Фёдоровка, Незнамовка». Девушка садится, оплачивает билет водителю и проходит в конец салона. Двери «пазика» закрываются. Он, покачиваясь на ухабах, едет вперёд. В автобусе, своя атмосфера, особая, Марина с интересом наблюдает за людьми: женщина с плетёной корзиной яблок, мужчина с пакетом на коленях, две девушки сидят спиной по ходу движения — у одной в руках тяпка, у другой ведро. Все одеты просто: спортивные костюмы, ветровки, джинсы. В голове девушки невольно всплывают воспоминания — поездки к бабушке: электричка, полчаса пути, асфальтированные дороги, уличные кофейни. А здесь всё иначе.

Автобус останавливается посреди поля. Марина выходит одна. Дальше — пешком по просёлочной дороге три километра. Она идёт, чемодан то и дело застревает в ухабах. Девушка с силой вытаскивает его и движется дальше.

Дорога идёт через поле. Марина прислушивается к тишине. Привыкшая к шуму мегаполиса, в этой тишине она чувствует себя неудобно.

Дорога проходит через лес. В лицо пахнуло влажной прохладой и прелой листвой. Ветер мягко перебирал кроны сосен, и те отзывались ровным, убаюкивающим шумом. Где-то высоко настойчиво стучал дятел, выбивая бесконечную дробь, а из глубины леса доносилась переливчатая трель — то ли соловей пробовал голос, то ли какая-то другая птица. Под ногами хрустели ветки, и этот звук казался здесь единственным по-настоящему живым.

Что ищет Марина в этом краю? Девушка не знала. Только сейчас она почувствовала вековую значимость этого места. Её предки веками жили на этой земле. Она пропитана их потом, кровью, слезами. Что знает о них Марина? Ничего. Что значат для неё бумаги, подтверждающие их место жительства? Ничего.

Лес редее, уступая место новому виду: озеро лежало в низине, тяжёлое и тёмное, обрамлённое по краям плакучими ивами. Вода казалась густой, как расплавленное стекло, и отражала небо так глубоко, что было непонятно, где кончается земля и начинается бесконечность. Ивовые ветви купали свои длинные зелёные косы в этой глади, едва касаясь воды. Марина останавливается. Что-то задерживает её внимание, завораживает. Девушка вздыхает, лёгкие наполняются влажным воздухом. Дышится легко и хорошо.

За озером виднеются крыши домов. Девушка выдыхает — долгий путь наконец позади. Она подходит ближе к деревне. Четыре дома на одном склоне холма, два на другом. Большинство домов покосившиеся, с них облезла краска. Заборов практически нет. Груда досок лежит вдоль дороги.

Марина подходит к первому дому. Из-за покосившегося забора донёсся настороженный лай, потом второй, третий — и через минуту вся деревня огласилась разноголосым тьяканьем и рычанием. Марина непроизвольно сжалась. Собак она боялась с самого раннего детства, девушка и сама уже не помнила как давно. Сердце забилося где-то у горла. Но калитка скрипнула, и лай резко сменился радостным повизгиванием — видимо, вышла хозяйка.

Марина открывает калитку, та скрипит. Из глубины двора навстречу выходит женщина лет шестидесяти: в розовых спортивных штанах, футболке, поверх которой повязан фартук, на голове косынка в горошек, на руках перчатки.

— Марина, ну вылитая баба Маша! Проходи в дом, рассказывай, как ты, как добралась?

— Хорошо, спасибо, — говорит Марина, заходя следом.

Это Надежда Петровна Степанова. Она приходится Марине тёткой по материнской линии. Надежда — дочка Анны Ивановны Журавлёвой (той самой бабы Нюры, которую Марина никогда не застала). Анна Ивановна родилась в 1916 году и была младшей сестрой Марии Ивановны — прабабки Марины. Так что кровь у них одна, хоть и через поколение. Для Марины она просто тётя Надя — двоюродная сестра её матери, а значит, почти родня. Женщина радостно согласилась принять девушку, когда та позвонила.

В нос ударил терпкий травяной запах, смешанный с ароматом дерева, ладана и чего-то до боли знакомого.

Марина проходит в дом. В центре огромная русская печка с лежанкой. На стене несколько портретов: двое мужчин, две женщины. Марина всматривается в них.

Надежда, уже собравшая на стол, замечает пристальный взгляд девушки и останавливается.

— Смотри, вот дед Пётр, рядом с ним жена его Мария. Это дети Константин, рядом с ним Анастасия. Я тебе ещё альбом потом покажу. Садись за стол. Чем богаты, тем и рады — яблоки мочёные, картошка жареная и котлеты. Без деликатесов у нас. По-простому.

Пужинав, девушка понимает, что её клонит в сон.

— Ложись на печке. На ней все наши спали, все поколения, до прабабки моей, Домны — она дом этот и построила. Раньше другой был, бабка рассказывала, на берегу у озера в Кочетовке. Да перебрались они в Журавлиху. Село было тогда развитым. Это сейчас все едут в город. Забыли корни свои.

Марина поблагодарила тётю Надю, забирается на печку. И, лишь погрузившись в сон, ей кажется, что она летит, летит куда-то далеко, дальше, чем обычно.

Глава 2. Метрическая книга.

Утреннее солнце коснулось лица Марины, девушка лениво открыла глаза, потянулась, огляделась по сторонам. Она не сразу поняла, где находится — иконы в углу на рушниках, круглый стол, покрытый цветастой скатертью, сервант с посудой, вместо кровати печка. Марина села, свесив ноги вниз, про себя отметила, что спину не тянет, а как раз наоборот — чувствуется лёгкость в пояснице.

Девушка спустилась осторожно, боясь поскользнуться на гладких, отполированных годами ступеньках. Босые ноги коснулись холодного деревянного пола, и по телу пробежала дрожь — пол был на удивление студёным, хотя печь ещё хранила ночное тепло. Где-то под половицей предательски скрипнуло, и Марина на мгновение замерла, прислушиваясь к тишине.

Посмотрела в окно — вдали виднелось чёрное озеро, одновременно манящий и пугающий вид.

Запах сена и травы вперемишку с чем-то сладким, жареным ударил в нос. В животе неприятно заурчало.

«Интересно, сколько я проспала, — подумала Марина. — Дорога заняла много сил».

Девушка встала, взглянула на себя в старое зеркало в тяжёлой деревянной раме, поправила сбившиеся волосы.

Из кухни донеслись голоса — то ли пение, то ли разговор.

Марина вошла на кухню. Тётя Надя уже вовсю хлопотала — на столе стояла целая стопка свежее испечённых блинов, молочная рисовая каша, из чайника, стоявшего на подставке, шёл пар.

— О, дорогая, ты проснулась! Ты, конечно, соня, так и всю жизнь проспичь, — рассмеялась тётя Надя. — Как спалось?

— Отлично, давно так хорошо не спала.

— Это всё печка, на ней испокон веков все наши спали. Я уже стара стала, тяжело забираться мне на неё. Садись за стол, завтрак уже готов.

Марина села, налила в чашку свежесваренный чай, взяла блин в руку, откусила кусочек.

— Таких блинов я давно не ела, — удивлённо сказала девушка. — С детства, наверное, когда бабушка пекла.

— Старинный семейный рецепт, расскажу тебе.

— Тётъ Надь, я об этом и хотела поговорить с тобой, не о блинах, конечно. Может, ты помнишь что-то? Может, тебе баба Нюра рассказывала? Я занимаюсь научной работой, основанной на истории нашего рода, составляю родословную. Я столько времени потратила, тёть Надь, столько надежд было, а они — глухая стена. Архивы говорят, что документы утеряны. Нашла только единственную запись: моя прабабка родилась в этом селе, Мария Ивановна Журавлёва, в замужестве Воронова, но записи о её рождении нет, так как нет метрики за этот год. Может, ты знаешь что-то?

— Мама много рассказывала мне, когда жива была, да память подводить стала меня. Но она всё помнила, мать моя, собирала документы, справки, всё хранила. Говорила: род — это всё, что у нас есть. Я не понимала раньше, сейчас поняла.

— Не сохранилось ничего из документов?

— Отчего же не сохраниться? На чердаке, аккуратно в сундуках, всё сложено. Ступай после завтрака туда, только аккуратнее, не провались. Изба старая, много веков стоит, родовое поместье, считай, — рассмеялась Надежда.

После завтрака девушка решила сразу подняться на чердак. Выйдя из дома, она повернула в сторону сада. Ко входу на чердак была приставлена деревянная лестница. Аккуратно

забравшись по ней, Марина открыла не с первой попытки старый амбарный ржавый замок, вошла в дверь.

Ей открылась настоящая лавка антиквариата — в углу громоздились старые люстры, похожие на запылившихся медуз, рядом с ними коробка новогодних советских игрушек, в углу старинный буфет, множество сундуков — от простых до резных, от советских до дореволюционных. Марина открыла первый на её пути сундук. Взвившаяся вверх пыль ударила ей в нос, и девушка чихнула. Внутри сундука оказалась одежда — шушпан красного цвета, юбки, фартуки... Девушка решила, что вернётся к нему позже. В следующем сундуке, с вырезанными на крышке птицами, лежали пожелтевшие от времени документы, папки, альбомы. Взяв в руки верхний альбом, Марина полистала его. С небольших чёрно-белых фотографий ей улыбались незнакомые люди в традиционных одеждах, головы женщин покрыты, на всех сарафаны или юбки с вышивкой. Девушка отложила альбом в сторону, под ним оказалась картонная коробка. Вытащив её, Марина открыла и ахнула — ровной стопкой лежали в ней метрические книги. Марина от радости даже обняла эту коробку. «Интересно, как они оказались в моём родовом доме, не были переданы в архивы?» — удивилась девушка. Она провела пальцем по корешку одной из книг. Робость охватила её — прикоснуться к таким документам казалось почти святотатством, но любопытство пересилило. Девушка боялась не только дотрагиваться до неё, но и дышать рядом. Пересилив себя, она открыла одну из метрик — на форзаце запись: «Метрическая книга записей родившихся, бракосочетавшихся и умерших в Покровской церкви села Журавлиха за 1914 год». Как раз нужный ей год. Марина долистала до нужной страницы: 6 июня по старому стилю (выходит 19 по-новому). Запись гласила: «Мария крещена 7 июня. Родители — крестьянин села Журавлиха Иван Ильин сын Журавлёв и законная жена его Домна Иванова дочь Журавлёва, оба православные; восприемники: крестьянин того же села Алексей Петров сын Прохоров, крестьянка того же села Параскева Стефанова дочь Журавлёва».

Марина отодвинулась от книги. Вот она, та самая запись, которую она так хотела увидеть. Девушка не верила своим глазам. Внутри всё дрожало — от радости, облегчения и какого-то благоговейного страха перед временем, которое вдруг стало осязаемым. Найдены полные имена родителей прабабки и двое восприемников. Марина прекрасно знала, что крёстными в те времена в сёлах делали либо родственников, либо близких друзей. Фамилия Прохоров ей не была знакома. Но общее впечатление от имени оставляло приятный отпечаток.

Она собрала все найденные метрические книги, альбом и пару дневников из сундука, спустилась во двор. Она решила, что срочно нужно поговорить с тётей Надей. Зайдя в дом, девушка нашла на столе записку: «Ушла к соседке. Вернусь к ужину, не скучай». Марина положила найденные документы на стол возле печки и вышла на улицу.

Просёлочная дорога шла вдоль домов, колея не выбита, видно, что на машинах здесь ездят редко. Напротив домов — спуск к реке, это знала Марина по картам местности, река укрыта от наблюдателей стеной из деревьев. Вдоль домов, в которых ещё есть жизнь, — палисадники с хаотично посаженными цветами. Пахло нагретой за день травой — терпко, чуть пряно, какой-то особенной, деревенской горечью. Марина повернула в сторону озера, к выезду из села. Повернув за дом, её взгляду открылась картина — всё та же чёрная вода, неестественно замершая в тени ив и рябин. Полуденное солнце поднялось высоко над горизонтом, не парит, но и не отражается в водной глади. Девушка почувствовала, что её неестественно тянет к воде, хочется прикоснуться к ней, сделать глоток. Девушка даже не сразу поняла, что начала наклоняться в ту сторону, будто её кто-то приманивает к себе.

— Местные не ходят на ту сторону, — раздался сзади женский голос.

Марина повернула голову и увидела за собой тётю Надю.

— Почему? — спросила девушка.

— Легенд много, передаются из уст в уста. Люди там пропадают, гиблое место. И ты туда не ходи, ни к чему.

Марина задумалась, повернула голову к озеру.

— Пошли в дом, расскажешь мне, как твои поиски, может, чем подсоблю.

Вечерело. Солнце медленно опускалось к горизонту, уступая место сумеркам, длинные тени скользили по земле. Марина с Надеждой сидели на диване. Оказалось, что метрические книги были спасены при пожаре в Покровской церкви дьяконом Андреем, были переданы на хранение прапрабабке Домне Журавлёвой, которая, в свою очередь, передала их своим детям, а потом и внукам. Так они и оказались на чердаке. — Видать, сам Бог велел тебе их найти, — вздохнула тётя Надя и перекрестилась. Покровская церковь была разрушена практически полностью, осталось лишь основание и две стены, которые в советское время восстанавливать не стали. Так и стоят по сей день две стены возле погоста. Марина решила, что обязательно должна туда сходить, ведь старые кладбища — это тоже своего рода архив.

Перед сном Марина, уже сидя на печи, решила полистать альбом. Старые фотографии, ветхие, выцветшие, на каждой из них надпись — кто на ней изображён, какой год. Две фотографии: бабушка Мария Журавлёва с подругой Ольгой Прохоровой, сидят на лавочке возле их дома, в окружении молодых ребят, чьи имена не подписаны, улыбаются. Следующая фотография — трое мужчин: Иван Журавлёв, Пётр Журавлёв и Алексей Прохоров. Алексей Прохоров... Марина понимает, что сегодня уже видела это имя в записи о рождении прабабки Марии Ивановны Журавлёвой.

Девушка держит в руке фотографию, всматривается в неё, мужчина на ней кажется очень знакомым. Она точно видела его раньше. Но где? Во сне? В другой жизни? Девушка пытается вспомнить, уводя мысли вдаль за собой, медленно погружается в сон. Запах зверобоя, которым пахло от нагретой за день травы, вдруг стал сильнее, заполнил комнату, смешиваясь с сеном на печи. Девушка проваливается, летит вниз — сначала в темноту, затем появляется тонкий огонёк впереди, и она летит на него, вперёд и вперёд, пока свет не ослепляет её.

Глава 3. Краюха хлеба.

Утренний свет разбудил Марину, она открывает глаза, медленно потягивается. В нос ударяет запах земли, хлеба, свежей травы, её волос касается лёгкий порыв ветра. До Марины доносятся голоса — мужской и женский, совсем рядом с ней.

«Странно, в такую рань у тёти Нади уже гости, не говорила она. Пора вставать. Сейчас позавтракаю и начну выписывать найденное в метрической книге в свой блокнот». Марина осторожно отодвигает полог, выглядывает из-под него и застывает.

Та же комната. Та же печь. Тот же стол. Только вот сидит за столом молодая женщина лет двадцати трёх, рядом с ней — молодой мужчина, приблизительно ровесник. Одетые в старинную одежду: девушка в льняном сарафане с повязанным на нём фартуком с вышивкой и нижней юбке, мужчина в льняной рубашке и таких же штанах.

На стене исчезли фотографии, в углу — одна икона, которую Марина видела у тёти Нади, красивая старинная икона Покрова Пресвятой Богородицы, потрёпанная, с облезающей позолотой, только вот теперь она стоит перед ней целая, без потёртостей и повреждений. Женщина поворачивается в сторону Марины.

Марина моргнула раз, другой. Люди за столом не исчезали. Она ущипнула себя за руку — больно. Значит, не сон. Но этого не может быть. Или может?

— Проснулась, странница? Слезай к столу.

С этими словами женщина берёт кувшин, наливает из него в глиняную кружку молоко.

Марина аккуратно слезает с печи, отмечая про себя, что и печь изменилась — побелка ровная, без проплешин. Девушка садится за стол на лавку, берёт кружку, делает глоток. Молоко тёплое, парное, пахнет травой и навозом, приятно разливается по горлу. Мужчина протягивает краюху хлеба. Девушка берёт её, ароматную, ещё тёплую, приятно ломкую в руке. Марина откусывает кусочек хлеба. Ароматный, ржаной, нежный, вкусный. Настоящий. Девушка понимает, что это не сон.

— Откуда ты, говоришь, будешь? — прерывает тишину мужчина.

— Из Питера.

— Питер, — повторяет мужчина. — Это что ль из Петербурга будешь? Из столицы?

— Получается так, — согласно кивает Марина.

— А звать-то тебя как?

— Марина, — говорит девушка.

— Марина... — повторяет мужчина, делая паузу, как бы размышляя над именем. — Любопытно.

— Надолго к нам?

— Не знаю, я сама ещё не поняла, — растерянно произнесла девушка. Она всё ещё не понимала, что происходит. — А где тётя Надя? Опять к соседке ушла?

— Тётя Надя? — удивлённо спросила женщина.

— Таких нет здесь. Это тебе, поди, с дороги причудилось.

В тишине комнаты раздаётся сначала шум и крик, затем плач ребёнка. И только в этот момент Марина в противоположном углу замечает маленькую деревянную колыбель, в которой лежит младенец. Он проснулся и заплакал. Женщина встала из-за стола, подошла к колыбели, аккуратно взяла ребёнка на руки, склонила голову. Её русые длинные волосы завязаны в косу, аккуратно собраны на затылке в пучок. Черты лица мягкие, узнаваемые: такой же прищур глаз, как у её матери, когда та улыбается, подбородок и скулы — бабушкины, глаза — как у самой Марины. Серо-голубые, тёмные. Девушка понимает, что видит перед собой свою родственницу.

— Как вас зовут? — спрашивает Марина.

— Я Иван, это Домна, Журавлёвы мы.

«Домна и Иван», — проносится догадка в голове Марины. Не веря своим ушам, она всё же спрашивает:

— Младенца зовут Мария?

— Да, это Машенька, — говорит Домна, не сводя глаз с потягивающегося младенца на своих руках.

«Этого точно не может быть, — проносится в голове у Марины. — Невероятно, но этот младенец — моя прабабка. Я точно уснула, и мне снится сон, не могла же я перенестись в прошлое». Марина решает на всякий случай не говорить, что она их родственница, понаблюдать.

Дверь в комнату открывается, на пороге появляется высокий белокурый мужчина с голубыми, как апрельское небо, глазами. Его взгляд задерживается на девушке.

— Пришлая? — спрашивает он.

— Из Петербурга, — отвечает девушка.

— Как величать?

— Марина.

— Я Алексей. Прохоров. — И, отвернувшись от Марины, говорит: — Иван, собирайся.

Пора идти.

Мужчины уходят, в дверях Алексей поворачивается, смотрит на Марину, говорит:

— Ты это... не уходи пока, расскажешь мне потом про столицу.

С этими словами мужчина выходит из дома, оставляя Марину опустошённой, с множеством мыслей и вопросов. Алексей Прохоров... Только вчера вечером Марина засыпала, держа его фотографию в руке. А теперь он стоит перед ней. Живой. Настоящий. Сердце дрогнуло где-то в груди, пропустило удар. «Алексей», — раздалось уже внутри, и Марина поняла, что хочет его увидеть ещё.

Домна уложила младенца в люльку, коснулась её, произнесла:

— Мужчины землю пахать пошли, придут теперь к обеду. Нам с тобой нужно за водой под гору сходить, обед приготовить. Так что давай, хватай вёдра, пошли за водой.

— А ребёнок?

— Спит она пока, успеем воротиться, — отвечает Домна.

Они выходят из дома, сначала во двор, где Марина замечает, что забор, покосившийся от времени, вновь стал ровным, хозяйственные постройки целые, побелены, а не окрашены в зелёный цвет. Исчезла и будка со своей громкой обитательницей. Затем выходят со двора, калитка не скрипит. Девушка оглядывается на деревню — дома целые, вокруг много людей, снуют взад-вперёд, бегают дети, ходят куры, петухи. Жизнь идёт.

Принесли воду, сходили к колодцу под гору несколько раз. Марина отметила про себя, что река стала шире, глубже. Вода в колодце студёная, вкусная.

Подходят к дому, девушка посмотрела в сторону озера, тёмная гладь которого продолжала манить и звать к себе.

Домна заметила взгляд Марины.

— Это нехорошее место. Проклятое, — шёпотом произнесла хозяйка дома. — Люди там пропадают. Вода манит к себе, забирая путников. Не ходи туда.

— Не буду, — коротко ответила Марина, взглянув на озеро ещё раз.

Затем Домна ушла в дом готовить обед, попросив Марину отнести на речку простыни и там их постирать. Девушка вспомнила, что в Питере у неё есть классная стиральная машинка с функцией сушки и глажки белья, и побрела к реке. Она ополоснула в реке простынь, намылила мылом, начала тереть руками. Это были те действия, которые девушка никогда не делала, да и знала об этом немного, пришлось полагаться на интуицию. Прополоскав простынь от мыла, девушка отжала её выкручивая. Девушка так же поступила с оставшимися простынями. Сло-

жила их в таз. Её руки горели, Марина взглянула на них — красные, не привыкшие к суровой работе. Костяшки пальцев в ссадинах.

— С непривычки бывает, — раздался за спиной мужской голос.

Марина оглянулась. Увидев перед собой небо в глазах Алексея.

Он подошёл вплотную к девушке, взял её руку в свою, коснулся кончиком пальца ссадин, затем подул на них, глядя прямо в глаза Марине.

— У Домны есть мазь хорошая, на травах. Помажь, — произнёс Алексей, не выпуская руку Марины. Он не сводил глаз с лица девушки.

— Ты так чудно смотришь на меня, — наконец произнёс он.

У Марины перехватило дыхание.

— Просто... ты... ты напомнил мне кое-кого, — произнесла девушка, заливаясь краской, сама не зная почему.

— Что напоминаю я тебе кого-то — так ладно. Все мы люди, все мы похожи.

Алексей ещё раз подул на ссадины, отпустил руку девушки.

Они повернули в другую сторону, отправились к дому.

Зайдя в комнату, увидели, что Домна кормит Машу в углу комнаты. Она улыбнулась зашедшей Марине.

— Городская, понятно, но за помощь спасибо. Сейчас покормлю ребёнка, буду на стол собирать. А ты, Алексей, останешься на обед?

— Я пойду, пожалуй, — сказал Алексей, выходя из дома.

— Это Алёшка Прохоров, хороший друг нашей семьи, Машеньку вот крестил. Он сосед, от нас через дом, в поле с Иваном вместе работают, хлебопашцы они.

Домна перехватила взгляд Марины, брошенный вслед Алексею, и хитро прищурилась:

— Ничего, ничего, — сказала она. — Хороший он парень. Да ты садись, давай-ка руки покажи.

Марина протянула ладони. Домна покачала головой, цокнула языком:

— Эх, городские, нежные совсем. Сейчас я тебя быстро вылечу.

Она ушла в чулан, вернулась с маленьким глиняным горшочком. Открыла крышку — пахло густым травяным духом, мёдом и ещё чем-то смолистым.

— Это мазь бабки моей, ещё от прабабки рецепт пошёл. В ней и подорожник, и зверобой, и смола сосновая, и медок. Всё своё, лесное. Намажь руки на ночь — к утру как новые будут.

Марина взяла горшочек, зачерпнула немного пальцем. Мазь была густой, янтарного цвета, пахла так сильно и вкусно, что закружилась голова. Она осторожно втёрла в ссадины — боль отпустила почти сразу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.